

ЗА СИНИМ ЯРОМ

АНДРЕЙ ГУБИН

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «МОЛОКО ВОЛЧИЦЫ»

Месяц исполнился. Затуманенным сиянием заливал он ребристые меловые курганы, высившиеся на одном мощном массиве, кусты терновника и осыпи. Ночь уже сломлена. Взошла утренняя звезда. Пробились лимонные проблески зари. Запели петухи. Захлопали двери. Станица просыпалась. Был тот день, что год кормит. В поля потянулись повозки.

Глеб Есаулов выгнал на пастбище коров богатого мельника. Трофим хорошо платил Глебу, доверял операции с хлебом, в которых парень имел явную и тайную долю. Ночами Глеб умствовал, затевал большие дела, но сперва надо накопить денег. Вот и пошел в работники, продолжая пахать свой клин, косить камыш в родовом лимане. Трофим — мужик и обязан уступать дорогу работнику — славному родом казаку. Трофим покрикивал на Глеба. Работника не пугал такой мезальянс с мужиком. Кроме поденной платы, хозяин обещал дать в конце пастьбы пару бычков с ярмом. Глеб давно облюбовал их в стаде — шеи крутые, масть половая.

Тихо, пасом прошли выгон. Из-за Синих тор брызнули солнечные стрелы, и желтеющая трава засверкала мириадами росинок.

В полях убрали картошку и кукурузу. Синенкины ломали початки. Между ржавых стеблей золотились очищенные кочаны, насыпанные горками. Настя с Федором ломали, Мария сапеткой таскала, Федька серпом сек будылья на корм, дед Иван кашеварил. Сухой ветер устало звенел в лабузе.

Приподняв белую войлочную шляпу, пастух приветствовал старших. Мария и Федька поклонились ему первые. Он отметил, как наливаются бедра девушки. Задержал взгляд на смуглой от солнца шее. Косы связаны узлом. Опустившаяся

кофточка обнажила полоску чистой белой спины. Все было хорошо, да ноги, как две оглобли, больно высока, на полголовы выше Глеба, верба чертова! Приосанился парень, кинжал поправил. Уже золотится юная борода, нос прямой, тонкий, глаза темно-золотые, брови, как шнурки. Полымем пахнуло лицо Марии. Умоляюще смотрит на пастуха снежно-синими глазами в траурных дугах бровей. Небо вспыхивало отсверками ледников в глазах — не смотри же, уходи! И вдруг ледники смешались с синевой, растопились восторгом детской любви, отчаянной и молящей.

Из ущелья, как парное молоко из бурдюка, хлынул плотный столб тумана. Солнце летело сквозь него, как брошенный над горами диск. Столбы кизячного дыма стояли над станицей. Зазвонили к заутрене, и казаки в поле закрестились. Колокол двести пудов — звон слышать по всем угожьям. Синенкины пригласили Есаулова закусить чем бог послал. Пастух не стал ломаться, сел на разостланную рогожу, не забыв сунуть в сумку пару жемчужных кочанов «на племя». Ели душистый еще горячий хлеб, кашу с салом, брынзу, отдавленную бульжником через марлю, арбуз. Поднесли Есаулову-сыну и бражки из тыквы, заткнутой кочанчиком. Федор присматривался к будущему зятю, бог даст. Покрикивал на дочь, выказывая ее послушность. Угождал разговором и дивился сметке парня. Едва молоко на губах обсохло, а уже рассуждает казак по-диковинному, и, видать, набрался этой премудрости на курсу, возле богачей. Мол, у нынешних хозяев голыши под ногами валяются, а надо, чтоб золото блестело. Леса прочистить от сухостоя, не рубить на плетни молодые деревца.

Пойму Подкумка — от Эльбруса до Машука — засадить грушами и шафранами, спалив дикие рощи и камыши. На горах заводить породистый скот, тонкорунных овец, пуховых коз. Построить фермы на аглицкий манер — с молочным заводом в центре, и с гор потекут в долины масло, сыр, мясо, шерсть, кожи. Проводить каменные пути. Чтобы вся земля зацвела. А деньги с этой земли нести в банк, где, слыхивал Глеб от Савана Косова, на деньги еще деньги липнут. А ежели с умом дело вести, так можно и собственный банк открыть в Ростове, Баку или Петербурге. И торговать уже не пшеницей и молоком, а деньгами. Казакам не привыкать сражаться в дальних странах — прадеды выплясывали с парижанками, в Китае чай пили и в Стамбуле детей оставили!

Поспела молодая кукуруза. Глеб ел быстро — значит, и работает так же. Зубы снеговой белизны, как в сливках вымыты. Федор подумал: «Палец в рот не клади — откусит. А шея, хоть ободья гни, за таким не пропадешь!» И налил пастуху еще браги. От табаку Глеб отказался, хотя православные курили. Этим еще больше расположил Федора, который втайне преклонялся перед некурящими, ибо, как старообрядец, был воспитан в презрении к табашникам и бритоусым.

Мария, глядя в землю, положила перед Глебом лучший ломоть арбуза — алая мякоть в морозе и черных семечках. Казак поблагодарил за угощение и пошел догонять табун, дав напоследок совет выделить лучшие початки на семена.

— Вылитый Парфен! — качал головой Иван. — И тот, царство небесное, с одного быка норовил две шкуры сиять.

Мария ела как на иголках. Федька подложил ей вместо хлеба сырой кочан. Она машинально откусила. Старшие засмеялись, переглянулись. Любовь алым знаком горела на щеках дочери, и родные радовались хорошему человеку, трезвому и хозяйственному.

Табун ушел в горы, где находили окаменелости первобытной жизни, следы Сарматского моря, юрские отложения,

раковины с отпечатками скелетов морских гадов.

Раз на песчанике Глеб нашел рисунок рыбы о двух головах и подивился силе господ.

Отсюда хорошо видно нашу станицу. Она лежит на дне вытянутой горной чаши с отбитым краем. Орлиные горы, до бровей поросшие дубравами, задерживали злые ветры. Там, где чаша отбита, вечно стоял туман. В чаше его губило солнце. Поэтому в соседних станицах дни пасмурные, здесь ясные почти весь год. Здесь на горах гуляют буйные ветры. От снежных вершин веет свежестью. Далеко внизу кружат ястребы. Еще ниже белые игрушечные хатки, колокольни с крестами — золотой на православной церкви, серебряный — на старообрядческой, массив курсового парка, приглушенный невнятный гул, слабое пенье кочетов, синеватый дымок печали.

С обеда Глеб погнал скотину в сады. Тут тихо, светло и грустно. Одиноко краснеют забытые яблочки на ветках, тянутся паутинки, летают тяжелые вороны. Глеб насшибал яблок и чуть не наступил на спящую гадюку. Змея зашевелилась, повела граненой головкой и развернулась. Пастух размозжил, ее камнем, поддел чекмарем и бросил в речку. Напив коров, погнал их на Яблоньку, на огороды. Там в изобилии валяются сочные, жилистые капустные листья, разбросаны мелкие бураки. Глеб знает, где водить табун, коровы у него сытые, гладкие.

На длинном косом бугре приютился хуторок гребенского казака Петьки Глотова. Чернеют на синем небе три вербы. Волнуются камыши под бугром. Тут лиман, собственность Есауловых. Здесь Глеб режет крышу на хату, лозняк на сапетки, стреляет диких уток. На отвоеванных у болота грядках разводит на продажу помидоры, которые Анисим Лунь, пророк, называл похотью сатаны.

Голуби-дикари, струнно протрещав крылами, вспорхнули из-под ног пастуха. Нить дыханья прервалась. Ползком Глеб добрался до балочки, промочил ноги в

Яблоньке, стянул с плеча старенькую турецкую винтовку, прицелился, но по косогору пронесся заяц — Глеб засутился и промахнулся. Побегав за голубями по мочаку, плюнул и сел вырезать из ивы свистки.

Синеет седой Бештау в белой бурке тучи. Пахнет вялым капустным листом, поздней ежевикой, вишневым кором. Мягкий солнечный свет. Быстро бегущие по земле тени облаков. Прозрачные дали. Печаль.

Бугай рыл землю копытом, бунил, шумно нюхая на траве старую кровь. Коровы стояли кругом и тревожно подмыкивали своему повелителю. Тупые толстые рога быка побиты во многих весенних сражениях. Успокоившись, он подошел к роднику, бившему нарзаном, в несколько глотков осушил его, подождал, когда наберется, и снова пил. Коровы не унимались и бесились над кровью. Из-за бугра с ревом выбежал молодой бугай из чужого табуна. Бык прищурил крохотные глазки под кудрявым чубом, дико забасил на пришельца. Пастух пытался разогнать быков, но они уже чокнулись лбами. Он бил запаренным на огне чекмарем по тугим бычьим бокам, но кровавая муть ярости застилала глаза бойцов. Наконец, чужой бык побежал, потеряв сбитый рог. Глеб поднял его, янтарно-зеленый, вычистил и решил продать господам виноторговцам. Он всегда промышлял чем-нибудь. Походя, рвал, кизил, ландыши на продажу, плел плетни, сдавал аптекарю разные травы. Как-то после сильного ливня, собирая в яру самоцветные камни, обнаружил в глиняном пласту гигантский череп. Рысью бежал к дому пристава, зная, что сын генерала делает раскопки и собирает кости. Откопали скелет, ребра, как балки.

— Динозавр юрской эпохи! — восхищенно сказал археолог Старицкий. Из «портмонета» выдал Глебу золотой и попутно обмерял череп самого казака.

Пока пастух возился с рогом, черная с белыми ногами корова стала телиться. Глеб принял телка, мастью в мать, помог корове опростаться, приказал собаке

Цыганке гнать стадо, сам пошел передом с телком на шее, завернутым в мешок.

Солнце шло на закат. С полей ехали возы с красной соломой и цурпальями подсолнуха. Когда табун, переплывая речку, вошел в станицу, полная луна выкатилась на востоке. Вечерний туман поднимался от Подкумка, заволакивая сады и хаты.

Мычали коровы, блеяли овцы и козлята, расходясь по базам и закутам. Бабы собирали в ведра горячий навоз.

Вышла хозяйка, осмотрела телка и поднесла пастуху чарку водки за труды.